

Тюменский дискурс

Тюмень: образ, душа, судьба

Константин Яковлевич Лагунов

ТЯЖЕЛА ТЫ, ШАПКА МОНОМАХА

(заметки писателя)

Тюмень...

Острогой вошла ты в мою жизнь, мою судьбу, мою биографию...

Лет семьдесят назад, знойным, душным, пыльным летом я и брат Николай шли вместе с матерью по пыльным тюменским кривым и кособоким улочкам на пристань. Через пару часов наш пароход «Шлеев» отплывал в Тобольск, и мы несли купленную на базаре еду на дорогу. Мать несла в вытянутых руках блюдо, на котором лежал большой кусок домашнего сливочного масла. А я тащил в охапке две или три буханки хлеба.

На полпути к цели на нас наскочила орущая и хохочущая ватага шпаны. Вожак выхватил у меня буханку, тут же разломил ее на куски и раздал приспешникам. Все пристроились к матери, макали куски в подтаявшее масло, которое несла мать, и, гогоча и сквернословя, пожирили даровую добычу.

Мы оцепенели и молчали, лишь прибавили шагу. Сожрав буханку и добрую половину масла, нахалы отстали от нас...

Серые деревянные дома. Серые тесовые крыши вросших в землю избышек. Серые палисадники, за которыми понуро свесили листья серые от пыли черемухи да рябины.

И небо серое.

И серое солнце в облаках серой пыли...

Потом я помню Тюмень военных лет.

Шинели юных краснощеких курсантов.

Шинели готовых к отправке на фронт завтрашних снайперов, артиллеристов, саперов.

Шинели госпитальных обитателей.

Суровые часовые возле сельхозинститута: там пережидал войну покинувший свой мавзолей Владимир Ильич Ленин.

Потом Тюмень 1949. Я — студент четвертого курса и освобожденный секретарь комитета комсомола Тюменского пединститута.

Потом двенадцатилетняя разлука с Тюменью и в 1961 году возвращение в Тюмень. Став тюменцем, за эти сорок лет я написал и издал более пятидесяти книг самых разных жанров — от романов до киносценариев, удостоен звания

почетного гражданина Тюмени, создал художественную летопись чуда века — так просвещенный мир нарек становление тюменского топливно-энергетического комплекса. И вот, замыкая сорокалетний круг своего тюменского жития, я взялся за перо, чтоб написать эти заметки.

Почему?..

Зачем?..

Ответы на эти вопросы ползают меж строк предлагаемых заметок...

1

Всякий образованный россиянин, прочитав заголовок, непременно вспомнит киевского князя Владимира Мономаха и венчавшую его голову неповторимую шапку — круглую, отороченную соболем, увенчанную крестом, прародительницу российской царской короны.

Владеющие шапкой Мономаха — великий князь — царь — император — становились всенародно признанными властителями России, с одной стороны, а с другой — взваливали на свои плечи всю ответственность за порядок в своей державе, за ее независимость, за благополучие и процветание своего народа.

Власть и ответственность.

За каждый шаг.

За каждое слово.

За каждую подпись.

Потому из-под пера Пушкина и выпорхнула фраза, ставшая заголовком этих заметок...

Бывает, шапку Мономаха примерит на свою голову какой-то народ или партия. Так случилось с большевиками, которые, перекувыркнув мир, повели Россию не куда-нибудь, а к земному раю — коммунизму. Здорово повели. Мощно. Стремительно. И круто. Весь перевоплощенный капиталистический мир ринулся наперерез советскому кораблю, подкупил прокрававшихся к штурвалу подлых предателей, и те на полном ходу развернули корабль в противоположную сторону так лихо и опрометчиво, что напоролась на рифы, изнахратили судно и потеряли шапку Мономаха.

Как и почему случилась эта трагедия? — об этом я уже не однажды писал...

Мне кажется, нечто похожее произошло с Тюменью, которую более полувека назад венчали короной королевы невиданной в мире нефтегазовой империи — черной жемчужины Планеты.

О том, что из этого вышло, и рассказывается в настоящих заметках...

2

В 1934 году в Приобье появилась первая нефтеразведочная геологическая экспедиция во главе с двадцатитрехлетним геологом Виктором Васильевым. На сле-

**Взаимодействие
словесного
и визуального начал,
столь значимое
в культуре XX века,
властно требует
включения
в филологическое
пространство города
его зрительных —
живописных — образов.
Мы решили показать,
каким увидели наш
город тюменские
художники
Г. А. Токарев,
А. С. Новик,
Ю. Д. Юдин,
Ю. А. Рыбьяков,
Т. Л. Вершинина,
А. В. Чемакин.**

Г. А. Токарев.
«Над Турой.
Троицкий монастырь». 1980

дующий год Васильев вновь вернулся в Приобье с новой экспедицией.

По дикой тайге и непролазным болотам геологи продирались на своих двоих, волоча на загорбке все свое снаряжение. Нефтяные робинзоны жили, где придется, ели, что попало, вручную бурили, не щадили ни здоровья, ни сил. Но своего добились: выходы нефти нашли, карту прогнозную составили, доказали, что нефть в Приобье есть.

О подвиге Виктора Григорьевича Васильева я рассказал в своей документальной повести «Свадебный марш» (Свердловск, 1984 г.) и не стану повторяться.

Вот с подачи Виктора Васильева главный нефтяник страны Губкин и водрузил на голову Тюмени корону владыки нефтяной империи, которая существовала пока лишь в планах и прожектах ученых и руководителей Советской державы.

Содеянное Виктором Васильевым можно и нужно назвать подвигом. Подвиг Васильева дает основание Губкину венчать шапкой Мономаха будущую императрицу будущей нефтяной империи — Тюмень...

Жизнь — не плавный поток под уклон, не терпит она заданности, не потакает ясновидцам и пророкам, знай себе шьет да порет, гнет да выпрямляет, рушит да возводит.

Не успела коронованная Тюмень налюбоваться на свое зеркальное отражение, поверить, привыкнуть, как грянула Великая Отечественная, и расчеты, планы, схемы, директивы — все пришлось временно припрятать до победы. Но едва война закончилась, Тюмень по васильевским планам и чертежам начала «по винтику, по кирпичику» воздвигать свою нефтяную империю.

А нефть была еще где-то глубоко под землей, надежно прикрытая непроходимой заболоченной тайгой да белоснежной тундрой.

Нефть надо было еще искать.

Потому-то на втором послевоенном году Тюмень приютила нефтеразведочную геологическую экспедицию, которая несколько лет спустя превратилась в трест, потом в управление и после в главк — Главтюменьгеологию.

Экспедиция — трест — управление — главк потянули за собой огромный шлейф научно-исследовательских, проектных институтов и многие иные службы, без которых главк бескрыл, недвижим и немощен. А это — сотни высококвалифицированных специалистов, ученых, организаторов производства, им нужны добротное жилье и многие социально-бытовые и культурные учреждения.

А обглоданная, оципанная, обескровленная войной, деревянная, с водопроводными колонками и печным отоплением, с огородами вместо газонов и скверов старушка Тюмень еще не распрямилась, недохнула полной грудью. Каждый строящийся дом был событием. Каждый вновь показавшийся на улицах автомобиль был замечен, все непременно знали его «хозяина» и его водителя.

Ректор Тюменского пединститута с семьей жил в учебном корпусе, а многие преподаватели этого единственного в городе вуза ютились на птичьих правах в бревенчатом, барачного типа, студенческом общежитии.

Послевоенная Тюмень напоминала прифронтовой район. Шинели. Шинели. Шинели. Армейские полушубки. Валенки.

Трости. Костыли. Протезы...

Эшелонами отпочковывались из Тюмени бывшие эвакуированные...

Медленно. С усилиями. Преодолевая боль и немощь, поднималась на ноги будущая королева грядущего королевства, пока еще безвестная, но уже начавшая набирать силу и форс, коронованная перед войной Тюмень, на ходу латая и штопая, казалось бы неизгладимые, следы чудовищного запустения, разорения и нищеты.

Поэтический дискурс города

О Тюмени, как, впрочем, любом городе, у которого есть история, написано достаточно. Правда, до сих пор, кроме работы Л. Г. Беспаловой «Живое прошлое: Писатели XIX века о Тюмени», других книг такого рода не издавалось. Поэтому мы решили собрать посвященные Тюмени стихотворения, которые написаны людьми разных поколений, и, соположив тексты, посмотрели: «хорошо» ли это? Есть общая тема, есть явно повторяющиеся образы и мотивы, история и география, есть ощущение места, его «мягкая императивность», говоря словами В. Н. Топорова, и очевидная невозможность «сон от яви отличить» (Д. А. Пригов) — то есть все-таки «хорошо».

Не стоит удивляться, если рядом со стихами профессионального поэта оказался текст, далекий от представления о «настоящей» поэзии. Значение «иных» текстов (В. Н. Топоров) уже оценено в филологии, а там, где речь идет о «поэтическом городе», они нередко высказываются более откровенно, чем стыдящееся банальности произведение профессионала.

Перенапрягаясь, экономя на спичках, вздыбив и порушив все ведомые нормы, возможности и темпы, Тюмень обеспечила геологов сносными квартирами, выстроила им отличные административные здания, поликлинику, гостиницы, дворец культуры, стадион, спорткомплекс и шикарное помещение главка в самом центре города.

Все это воспринималось как должное. Геологи стали героями дня. Тюмень знала по именам и в лицо всех именитых геологов — первооткрывателей нефтяных и газовых месторождений, которые одно за другим появлялись на карте области.

Тут случилось нежданное...

Окропленные золотым дождем наград, осыпанные наипочетнейшими званиями, оглушенные ревом нефтяных и газовых фонтанов все новых и новых месторождений, тюменские геологи решили наново переписать историю великого открытия, вымарав из нее все прошлое, довоенное и представив дело так, будто только с них и началась эта история, и писалась она на чистом листе.

Первый шар кинул начальник тюменской геологоразведочной экспедиции, громгласно заявив: «Работы по поиску нефти и газа начались здесь в 1947 году». Эта придумка куда как шибко приглянулась командному составу тюменских геологов, и они во всю мочь затрубили, будто до них никто и не помышлял о западносибирской нефти.

Подыгрывая им, могучая пресса, радио и телевидение растиражировали эту придумку на весь мир.

А ведь высокопоставленные лжецы видели составленные Васильевым карты выхода нефти в Приобье, читали док-

А. С. Новик. «Зима». 1990

лением страны на 1939–1940 годы. Знали о последней предвоенной комплексной экспедиции в Западную Сибирь, в которой было 32 партии из трехсот топографов, геофизиков, буровиков.

Но знали они и о легковерии нашего народа, о его исторической непамятливости, оттого все громче и упоенней дудели, будто только с их появлением в Тюмени, с сорок седьмого года, начали искать нефть в Западной Сибири. Да еще как начали! Вопреки маловерам–перестраховщикам, которые постоянно подставляли ножки, мешали, срывали, тормозили.

Сколько ни бился я, пытаюсь выяснить, кто, когда и как тормозил и мешал, — ничего не добился, не узнал.

Чем закончилась моя попытка восстановить истину, выкрикнуть правду о Васильеве, и как сложилась его дальнейшая судьба — обо всем этом я рассказал в своей документальной повести «Свадебный марш», куда и отсылаю любознательных.

В действительности же случилось так: стараниями геологической элиты послевоенных лет историю величайшего открытия века перелицевали, вымарав из нее Виктора Васильева и весь довоенный период, когда Тюмень принаравливалась к шапке Мономаха.

Мои разоблачительные выступления в прессе вызвали гнев не только фальсификаторов истории, но и их высокопоставленных покровителей.

Раздосадованный, я решил четко и прямо поведать о происшедшем романым языком, написал роман «Ордалия». Он был признан лучшим романом года, включен в первую десятку книг, каторыми заявляло о своем рождении новое московское издательство «Современник».

ладные Васильева и его книгу «Геологическое строение северо-западной части Западно-Сибирской низменности и ее нефтегазонасность», в которой четко сформулирован главный вывод: «...нефть...и горючий газ в недрах Западно-Сибирской низменности есть» и она в ближайшее время «превратится в одну из нефтяных областей Советского Союза».

Знали они и о том, что в планах последней предвоенной пятилетки намечено превратить Западную Сибирь в новый нефтедобывающий район страны. И, конечно же, знали о плане геологоразведочных работ в Западной Сибири, разработанном главным геологическим управ-

Но силы зла оказались сильнее, чем думалось. «Ордалию» прижухнули, тридцать лет не переиздавали, и только в прошлом году Тюменский госуниверситет рискнул включить роман в мой юбилейный трехтомник. Потрепаны нервы, пережито немало горьких минут, а придуманная ловкачами «история» осталась жить да поживать.

Старушку Тюмень эти события не колыхнули. Шапка Мономаха удержалась на ее голове. Только мех соболиный поголубел. Да крест золотой стал светлее и ярче. Сыздала было видно его сияние. Со всевозрастающим интересом поглядывали на него даже из-за океанов.

3

В мае 1964 года Тюмень одним махом сшибла коробку с подземной нефтяной бутылки, и могучая черная струя ударила в пустую утробу нефтеналивной баржи, которая повезла тюменскую нефть из Усть-Балыка (Нефтеюганска) на Омский нефтеперерабатывающий завод.

К слову сказать, нефтеналивные баржи строил Тюменский судостроительный завод, как и всемирно известные плавучие электростанции. Приплывет такая громадина к причалу только что родившегося промысла или поселка и станет освещать и обогревать его до тех пор, пока не построят электростанцию либо не подтянут ЛЭП.

Этой инженерной «придумкой» тогда восхищался весь мир.

А тюменский завод Сибкомплемонтаж изготавливал для нефтяников дожимные насосные станции и многое иное и «в готовом виде» на понтонах либо по бездорожью на воздушных подушках отправлял к нефтяникам и газовикам. Монтируйте. Покрывайте. Подключайте... И ... пошла машина.

Тюменская фабрика «Восход» шила нефтяникам, газовикам, строителям полушубки, шапки, унты, меховые сапоги. Обувайтесь. Одевайтесь. Не кланяйтесь лютым холодам, ветрам да буранам.

Самые разнообразные задания нефте- и газопромысловиков своевременно и качественно исполняли тюменские заводы: судостроительный, металлоконструкций, «Электрон», Нефтемаш, турбомеханический, приборостроительный, аккумуляторный, электромеханический, лесоперерабатывающее объединение «Тура», Сибкомплемонтаж и КСК.

Только за одну пятилетку Тюмень смонтировала, перевезла на нефтегазовый Север, установила и пустила 122 нефтеперекачивающие, компрессорные и насосные станции, смонтировали, перевезли на Север и ввели там в строй 600 блочных котельных. Рабочие тюменского деревоперерабатывающего объединения «Тура» освоили строительство блочных деревянных домов и отправляли нефтяникам и газовикам сборные деревянные дома. А трест «Стройиндустрия» сплошным потоком слал на Север пригрузки для строительства трубопроводов...

Тюмень жила интересами нефтегазового Севера.

Тюмень работала на Север.

Тюмень держала на своих плечах 10 главков, 20 объединений, 30 НИИ (научных, проектных, конструкторских), которые работали на нефтегазовый Север.

Вот, к примеру, не шибко громкий, казалось бы, СибНИИгазстрой. В нем 742 сотрудника, 66 докторов наук и т. д.

Потому-то население Тюмени за десять лет ее пребывания в шапке Мономаха выросло со 152000 до 427000 человек.

Тюмень стала настоящей кузницей кадров геологов, нефтяников, газовиков, строителей. Институты, училища, техникумы и школы, курсы буровиков, вышккомонтажников...

Кривая добычи нефти и газа круто взмывала вверх. А сверху, с кремлевского Олимпа, гремело: «Наддай еще!.. Больше нефти!.. Больше газа!..».

Где вести нефтеразведку, какие площади и как разбуривать, где возводить вахтовые, а где стационарные рабочие поселки, каким способом, откуда и куда перекачивать нефть либо газ, и еще многое, бесконечно многое, решалось в Тюмени головами и руками тюменскими, потому-то вполне заслуженно и резонно нашу нефть и газ называли ТЮМЕНСКИМИ.

Делами тюменскими жила вся великая советская страна. На освоении Самотлорского месторождения, например, работали представители почти полусотни национальностей из всех союзных республик СССР. Каждая из них делала что-то конкретное для становления Самотлора и Нижневартовска.

Потому-то и была Тюменская область всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Потому именно в Тюмени проходили всесоюзные Дни литературы и творческие конференции писателей и критиков, и здесь постоянно работали целые десанты творческой интеллигенции — от композиторов до художников.

Принадлежность к Тюмени окрыляла, отворяла двери и сердца многих столичных деятелей. Нас приглашали в Москву на всевозможные совещания — заседания, съезды и «круглые столы». Сорок минут выступал я по центральному телевидению с рассказом о делах и людях нефтяной Тюмени. Всевозможные из-

дательства и журналы заказывали нам статьи, очерки, отклики-отзывы. И все это, прежде всего, потому, что за нашей спиной была Тюмень — символ энергетического могущества страны Советов.

Почти каждый день из Тюмени уезжали, уплывали, улетали к нефтяникам и газовикам стройотряды — студенческие, комсомольские, демобилизованных воинов. Они рвались на необжитые земли строить города и промыслы, прокладывать железные и бетонные дороги, тянуть линии электропередач и связи — обживать, обустраивать, приобщать к нормальной жизни тех, кто добывал нефть в Сибири, ставшую не просто главным, а единственным источником экономической и оборонной мощи Советского Союза.

Нет, стройотрядовцы были не лихачи, но лихие ребята. Тридцатилетних они называли батей либо папой. Вот кому, действительно, море было по колено, океан — по пуп. На понтонах, на воздушных подушках тащили они за собой на далекий Север мощную технику, агрегаты, громоздкие детали будущих заводов...

Быстро и неприметно тюменская нефть и тюменский газ перебрались за государственные границы страны, укрепив, усилив, многократно увеличив и возвысив авторитет доселе безвестной и бесславной Тюмени.

В 1983 году довелось мне побывать в ФРГ, в Дортмунде, на всемирно известных заводах Маннесмана, производящих трубы для наших газопроводов.

Николай ДЕНИСОВ

Из поэмы «МОЯ ТЮМЕНЬ»

По родне и по рождению —
 Местных, тутошних корней —
 Подрастал и я с Тюменью,
 Поднимался вместе с ней.
 Никакой особой доли
 Мне наш век не отпустил.
 Но горжусь, что в отчем поле
 Я пахал и хлеб растил.
 И в глухом ледовом царстве,
 Под прицелом зыбких выюг,
 Я работал в море Карском,
 Обживал Полярный круг.
 Подродил по белу свету
 Не из прихоти-гульбы,
 По заданиям газеты,
 По велению судьбы.
 Но везде — и в тундре голой,
 И в полях, у деревень —
 Мне Тюмень была — глаголам,
 Существительным — Тюмень,
 Той метафорой зычной,
 Где клокочет непокой,
 А не просто в деле личном —
 Места жительства строкой.
 Словам, как и было нужно,
 Вся — от отчего села
 До Ямала и Бердюжья —
 Домом творчества была.

Слово «Тюмень» являлось своеобразным паролем в моих беседах с немецкими рабочими. Стоило произнести это слово, и лица рабочих мгновенно светлели от улыбок, они приветливо тянули ко мне руки, дружески обнимали и хлопали по плечу, говоря «Тумен», «Ах, Тумен», охотно отвечали на мои дотошные расспросы.

Начиная с семидесятого года, каждое лето в Тюмени проходили всесоюзные Дни советской литературы. К нам приезжали лучшие, известнейшие писатели из всех союзных республик и стран социалистической Европы. Видели бы вы, как жадно слушали они рассказы о тюменских первопроходцах, об истории великого открытия. Потом к нам приходили кипы газет и журналов, изданные на разных европейских языках, набитые очерками, статьями, репортажами, интервью с теми, кто работал на наших нефти и газопромыслах, добывал и перекачивал нефть и газ. Писатели и журналисты создали целую библиотеку книг о тюменской нефтегазовой империи, о тюменцах и о Тюмени.

На моем счету только романов — пять о жизни тюменских геологов, нефтяников, строителей («Ордалия», «Одержимые», «Больно берег крут», «Бронзовый дог», «Отрицание отрицания»). А есть еще повести, очерки, статьи, киносценарии, пьесы и даже повести-сказки для малышей, которые издавались огромными тиражами и переиздаются до сих пор.

В ряду лучших книг о делах и людях нефтяной Тюмени заслуженно стоят произведения тюменцев Геннадия Сазонова и Зота Тоболкина, Владимира Нечволоды и Анатолия Кукарского, многих иных властителей пера из Тюмени.

Несколько лет назад мы попытались составить библиографию литературных произведений о земле Тюменской, написанных на заре нефтяной империи. В списке оказалось более четырехсот романов, повестей, очерков и стихотворений...

Ах, как достойно и гордо держала тогда себя королева Тюмень, величаво запрокинув седую, молодую голову, увенчанную шапкой Мономаха...

Летело Время над Землей.

Бесшумно, но стремительно летело.

Походя, не примечая, как бы между делом, ломало, корежило, плющило не только людские судьбы, но и судьбы целых народов и государств. Сломало Время и Тюмень, превратив ее из королевы нефтяной империи в захудалый центр южного огрызка некогда крупнейшей и мощнейшей в стране Тюменской области. Свирепый ураган с Ледовитого, сплетясь со злыми обскими ветрами, смахнул с головы Тюмени шапку Мономаха, швырнул ее под ноги разнузданной хмельной толпы, и та растоптала шапку-корону, превратив благословенный, всемирно почитаемый город в пустой звук.

И впрямь непомерно тяжелой для Тюмени и ее правителей оказалась шапка Мономаха. Лишившись ее, Тюмень вмиг из королевы превратилась в старушку-побирушку.

Наташа РАДИОНОВА,
ученица 7 класса

ТЮМЕНЬ

*Тюмень! Ты родина моя!
Мой тихий, скромный град.
Безумно я люблю тебя,
Ты выше всех наград.
Все чаще вижу я тебя
В пыли среди камней,
Но уж не вижу никогда
Я золотых полей.
Но все же я люблю тебя —
Я родилась здесь.
И уж не брошу никогда,
Тюмень, я здесь, я здесь!*